

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ¹

Г.И. Мусихин

Ключевые слова: идеология, дискурсивный анализ, сообщество, знание, коммуникация, ментальная модель.

Актуальность применения дискурсивного анализа к идеологиям очевидна. Любая идеология формируется, развивается и дискутирует со своими оппонентами через устную или письменную речь. Однако попытка анализировать идеологии только методом “чистого” дискурсивного анализа может оказаться размышлением в башне из слоновой кости, так как многие очевидные социальные и познавательные аспекты той или иной идеологии будут упущены. Поэтому дискурсивный анализ любой идеологии должен быть дополнен социо-когнитивным компонентом для избежания оторванности от конкретной реальности².

ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ

Прежде чем начать рассмотрение того, в каких отношениях находится идеология и дискурс, необходимо задать некоторые теоретические рамки, чтобы не утонуть в “междисциплинарном море”. И как бы это не казалось банально, начать нужно с вопроса: что такое идеология? С самого начала стоит отметить, что идеология — это прежде всего система верований и убеждений. Это подразумевает, что *идеология как таковая не содержит в себе идеологической практики или общественной структуры* (например, партии). Общественные структуры и идеологии находят друг друга в ходе социального процесса, но как система верований идеология не содержит в себе “инструкцию” партийного строительства. Поэтому теория идеологии, не содержащая в себе организационной “материальности”, нуждается в серьезном когнитивном обосновании как теория познания (хотя и с очевидностью тенденциозна).

Далее нужно отметить, что *по аналогии с языками* (коль скоро тема дискурса для нас актуальна) *не существует персональных (частных) идеологий*. Следовательно, любая идеология есть коллективно исповедуемая система убеждений, субъектом которой обязательно является та или иная социальная группа. При этом нужно помнить, что идеология развивается не во всякой общности людей, в этом смысле *бытие идеологии не столь рутинно как культурная, языковая или национальная общность* (хотя по силе воздействия идеология может и превосходить все перечисленные). Носители общей идеологии всегда имеют четкое представление о социальной самобытности своей группы, о способах существования и самовоспроизводства последней (что

МУСИХИН Глеб Иванович, доктор политических наук, профессор факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ. Для связи с автором: glebmus@yandex.ru

¹ Статья выполнена в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0083 “Современные тенденции в теории идеологии”, выполняемого при поддержке Программы “Научный фонд ГУ-ВШЭ”.

² О междисциплинарном исследовании идеологий см. [Dijk1998a].

совершенно не является обязательным в случае с языковой, культурной и даже национальной общностями). В этом смысле тип идеологии всегда определяется ее носителями как субъектами той или иной социальной группы (класса, общественного движения, партии, религиозной конфессии и т.д.)

Не будучи явлением социальной рутины (последняя включает в себя социокультурные знания, навыки и отношения), идеологии действуют на более фундаментальном и аксиоматичном уровне. Они контролируют общность социальных убеждений. Националистическая идеология контролирует отношение к иммигрантам (не путать артикулированное отношение с нерелфлексированной ксенофобией), либеральная идеология контролирует некритическое принятие свободы предпринимательства, социалистическая идеология формирует устойчивое убеждение в необходимости сильного социального государства. При этом сама идеология дает сумму убеждений довольно абстрактного характера, однако эти абстракции способствуют формированию определенной *когнитивной карты повседневности*, согласовывая коллективные верования групп, являющихся носителями той или иной идеологии.

Данная когнитивная карта, как правило, является достаточно устойчивым ментальным образованием, которое имеет длительный период формирования и, будучи сформированным, остается в значительной степени стабильным, так как люди вряд ли ложатся спать социалистами, а просыпаются либералами. Для трансформации идеологических установок необходим большой объем информации и жизненных переживаний даже на индивидуальном уровне, не говоря уже про коллективный [см. Converse 1964].

Наконец, нужно помнить о ситуациях, когда определенные изначально идеологические представления получают столь широкое распространение, что начинают восприниматься в качестве устойчивых убеждений и социальных практик всего общества той или иной страны. Сегодня равенство всех людей перед законом считается общепринятой конституционной нормой, хотя это изначально было требованием либеральной идеологии. То есть можно сказать, что *наиболее успешные принципы той или иной идеологии могут “потерпеть победу”*, так как перестают восприниматься в качестве идеологических, становясь общечеловеческим достоянием, но уже не оказывают конкретной политической поддержки сторонникам той идеологии, из которой эти принципы изначально вышли. Так что знаменитый лозунг *“конец идеологии” на поверку можно трактовать как “триумф идеологии”*.

Обозначенные здесь теоретические рамки крайне широки и скорее всего не выявляют однозначного смысла того, что есть идеология. Однако с их помощью мы можем *констатировать, что точно идеологией не является*. Вряд ли можно признать идеологией сугубо индивидуальные верования и убеждения. Не следует изначально исходить из “негативности” или “позитивности” той или иной идеологии. Не следует считать идеологией устойчивые (зачастую нерелфлекслируемые) социокультурные стереотипы.

Раз мы обозначили идеологии как социальное явление, необходимо зафиксировать их основные социальные функции. Прежде всего идеологии упорядочивают коллективные представления своих сторонников. Можно сказать, что идеологии выступают финальным обобщением дискурсов и связанных с последними социальных практик групп, поддерживающих ту или иную идео-

логию. Это позволяет идеологиям выполнять функцию социальной координации совместных групповых действий по достижению коллективных целей. Наконец, идеологии выступают “когнитивным посредником” между социальной структурой и социальными дискурсами групп, имеющих то или иное отношение к идеологиям. Нужно заметить, что проблематика социальных функций идеологий достаточно хорошо изучена и обобщена [см. напр. Billig 1982; Eagleton 1991; Larrain 1979; Thompson 1984; Freedon 1996], потому вряд ли стоит “изобретать велосипед” и останавливаться на этом вопросе подробно.

СЛОЖНОСТИ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИЙ

Несмотря на то, что теория идеологий включает огромное количество литературы, остается достаточно много трудноразрешимых (если вообще разрешимых) вопросов. Одна из таких проблем — вопрос о когнитивной природе идеологии, о содержании и структуре такой природы. Этот вопрос столь же сложен, как и сама структура познания.

Если исходить из того, что идеологии формируют коллективное восприятие социально и политически значимых проблем (распределение ресурсов, иммиграция, аборт и т.д.), можно предположить, что существует определенная схема групповой самоидентификации, элементами которой являются: критерии идентичности, характер групповой деятельности, цели, ценности, а также наличие (или отсутствие) ресурсов для осуществления коллективных целей. Выше было отмечено, что идеологии как таковые не содержат в себе “организационную инструкцию”, однако без определенной организации идеологии вряд ли могут существовать в виде простого набора убеждений.

Последнее тем более важно, если иметь в виду, что *организованный характер идеологии еще не гарантирует ее логическую последовательность*. Идеологии — не “чистые” логические системы, они носят комплексный социально-психологический, а потом уже логический, характер. В своем изначальном виде идеологии являются в высшей степени гетерогенными и бескомпромиссными способами обоснования действительности, которые могут не обращать внимания на внутреннюю непоследовательность. Например, сторонники национализма утверждают, что иммигранты как правило ленивы и неряшливы, но обвиняют иммигрантов в том, что они отбирают рабочие места у представителей титульной нации; либерализм исходит из того, что все от природы имеют право на свободу и собственность, но при этом свободный капиталистический рынок ведет к отчуждению собственности от абсолютного большинства населения; социалистическое стремление к равенству может привести к вопиющей несправедливости и т.д. Механизмы “снятия” противоречий между идеологическими убеждениями и фактической действительностью вещь в политике не новая и давно изучаемая [см. напр. Political Cognition 1986; Feldman 1988: 416-440].

Еще одна теоретическая сложность, связанная с изучением идеологии, — тенденция к фрагментации, когда идеологии обозначаются не по каким-то базовым социальным убеждениям и верованиям, а представляются “лоскутным одеялом” всех групповых убеждений. Вряд ли можно признать последний подход продуктивным. Например, несмотря на всю важность проблемы ядерной энергетики, было бы большим преувеличением признавать в качестве самостоятельной идеологии убеждение в необходимости отказа от атомных элек-

тростанций. Это то же самое, что провозглашать какие-то диалекты самостоятельными языками.

Следующая теоретическая проблема состоит в том, что мы постоянно говорим о социальном характере идеологии, но при этом очевидно, что идеологически мотивированные политические акторы (как коллективные, так и индивидуальные) в разной степени владеют содержанием той или иной идеологии. Социальный субъект может считать себя убежденным последователем определенной идеологии, но будет не в состоянии четко сформулировать последовательную идеологическую позицию. Здесь встает вопрос о неоднозначной индивидуальной идентификации в условиях устойчивого группового поведения [см. Vallacher, Wegner 1989: 660-671].

С другой стороны, есть слой профессиональных идеологов и ученых аналитиков, которые могут приложить определенный идеологический конструкт к любым явлениям политической реальности, даже осознавая, что реальность этому конструкту противоречит³. Поэтому по поводу идеологизированности того или иного коллектива людей мы всегда должны иметь в виду оговорку “более или менее”, что на порядок уменьшает эмпирическую доказуемость социального характера идеологий.

И наконец, существует крайне сложный вопрос точной социальной субъектности идеологии. Какие коллективы людей (коль скоро мы исходим из обязательной социальной природы идеологий) можно считать идеологизированными (или обладающими идеологией)? Очевидно, что не всякая социальная общность может быть признана носителем той или иной идеологии. Пассажиры метро или студенты какого-либо вуза обладают признаками определенной общности, но они очевидно не могут считаться носителями какой-то определенной идеологии. Необходим целый комплекс социальных критериев: постоянная длительная самоидентификация, сформировавшееся отношение к другим группам, т.е. все то, что позволяет оформиться тому, что обозначается местоимением “МЫ”. Именно это является необходимым признаком идеологической самоидентификации.

Однако при этом нужно помнить, что одни социальные группы могут обладать очевидной идеологической самоидентификацией, четко прослеживаемой в общих дискурсах (например, феминистское движение), другие же группы помимо этого могут иметь дополнительные организационные атрибуты: прямое членство, регулярные заседания, избранное руководство и т.д.

Для того, чтобы *попытаться отделить идеологизированные коллективы от иных общностей, можно гипотетически выделить социальные группы и культурные сообщества*. При этом следует предположить, что первые имеют определенную идеологию, характеризующуюся общими целями и интересами в отношениях с другими группами, в то время как вторые также имеют какие-то общие представления, но не нуждаются в отрефлексированном отношении к другим общностям. Так, существует очевидное культурное сообщество, говорящее на немецком языке, как на родном, но при этом не обязательно исповедующее идеологию национализма. Но в рамках этого культурного сообщества можно выделить группу работников крупных промышленных

³ Об “экспертах” и “дилетантах” в сфере политических убеждений см. напр. [Fiske, Kinder 1981].

предприятий, охваченных мощной деятельностью профсоюзов и проявляющих определенное отношение к крупному капиталу, которое обозначается как социал-демократическая идеология.

Кроме того, необходимо отличать социальные группы от таких социальных категорий, как пол, этническая принадлежность или раса. Женщины или темнокожие не имеют идентификационной идеологии, хотя существует идеология феминизма и антирасизма, которые предполагают не только наличие общих убеждений, но и общую организованную активность и дискурсивную узнаваемость “своих” и “чужих”.

Иными словами, идеологизированная группа – это сообщество, объединенное общей практикой и общим дискурсом, в которых проявляется общая система убеждений. Эти группы могут быть объединены (или не объединены) в политические партии, т.е. такие группы не есть партии или клубы по интересам как таковые, но это общности людей, которые являются членами тех или иных партий или клубов.

Таким образом, необходимо различать сообщества, возникшие на эпистемологическом и языковом фундаменте, от идеологических групп, обладающих общими убеждениями, социальными практиками и совместными дискурсами. Однако мы видим, что необходима и дальнейшая дифференциация самих идеологических групп с точки зрения их организованности, постоянства, интенсивности совместных действий, а также с точки зрения характера самой идеологии: очевидно, что светские идеологии способствуют формированию иных групп, нежели религиозный фундаментализм.

ДИСКУРСИВНЫЙ “СЛЕД” ИДЕОЛОГИЙ

Мы определили идеологии как убеждения, лежащие в основе общих групповых социально-политических представлений. Эти представления в свою очередь являются основой дискурсов и других социальных практик. Можно также предположить, что идеологии в значительной степени выражаются и усваиваются через дискурс, т.е. путем устного или письменного коммуникативного взаимодействия. Когда члены идеологизированной группы мотивируют или легитимизируют какие-то групповые действия, они делают это, как правило, в терминах идеологического дискурса.

Однако общее умозаключение о том, что идеология “оставляет следы” через дискурс, теряет свою кажущуюся простоту, если мы задаемся вопросом о том, как возникают эти идеологические дискурсы и как мы их обнаруживаем. Как мы можем опознать националистический или неолиберальный дискурс, когда читаем или слышим его? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к общей теории дискурса и когнитивной психологии, в рамках которой эта теория развивается [см. Dijk, Kintsch 1983; *The Construction of Mental Representations...* 1999].

Возникновение дискурсов зависит от свойств *коммуникативной ситуации*, в которой происходит интерпретация языковых конструкций. Эти ситуации можно определить как *контекст*, представленный в виде определенных эпизодических моделей взаимодействия⁴. Эти *контекстуальные модели* контро-

⁴ О контекстуальных моделях дискурса см. [Dijk 1999: 123-148].

лируют многие аспекты формирования дискурса, делая последний общественно значимым. Как и все субъективные ментальные модели, контекстуальные модели могут быть идеологически “пристрастными” к общей социально-политической ситуации. Контекстуальная модель может накладывать свой отпечаток на выбор лексических конструкций в ходе общения, раскрывая или наоборот затушевывая реальное отношение к предмету обсуждения. Например, широко укорененный во многих обществах мужской шовинизм может “затаиться”, попав в ситуацию феминистского дискурса. Иными словами, контекстуальная модель может помочь обнаружить идеологическую предвзятость той или иной речевой коммуникации, что в свою очередь облегчает анализ идеологического дискурса.

Таким образом, содержание дискурса находится под контролем субъективных интерпретаций, осуществляемых носителями языка, формируя различные *ситуативные ментальные модели*⁵. Иными словами, *люди понимают дискурс, если способны сконструировать его модель* (если вы примете риторический вопрос за содержательный, вы рискуете выпасть из дискурса). Военные действия в Южной Осетии 2008 г. освещались новостными службами, воспроизводя субъективные ментальные модели как “создателей” новостей, так и их “потребителей”. Поэтому дискурсы, связанные с этими событиями, были слишком разными в России, в странах ЕС, в США или в Грузии. Хотя во многих случаях задача примитивной односторонней пропаганды и “промывки мозгов” не ставилась. То есть как и в случае с контекстуальными моделями, модели ситуативные могут демонстрировать идеологическую предвзятость, основанную на базовых социальных убеждениях. Идеологически предвзятые ситуативные ментальные модели обычно производят идеологический дискурс, в котором события и акторы имеют положительную или отрицательную окраску в зависимости от вышеобозначенной идеологической предвзятости. И чем конкретнее обсуждаемые события, тем сильнее высвечивается предвзятость, несмотря на апелляцию к “очевидным фактам”. *Как это ни парадоксально, но чем очевиднее факты, тем пристрастнее идеологические дискурсы.* Достаточно вспомнить ожесточенные политические баталии по поводу голодомора 1930-х годов в Советском Союзе между “профессиональными правдолюбцами” в России и Украине.

Необходимо подчеркнуть, что контекстуальные и ситуативные модели коммуникации являются в основном субъективными и лично ориентированными. При этом члены того или иного коллектива могут ориентироваться на более устойчивые социальные и политические убеждения: стабильная система знаний, взглядов и идеологических стереотипов. Данные общие взгляды являются “контрольными точками” при создании тех или иных контекстуальных и ситуативных моделей, а следовательно — при создании и понимании дискурсов. Наиболее важным здесь является *общее знание* различных типов и уровней сообщества (культура, нация, город, организация), так как эти знания усвоены и разделяются всеми компетентными членами сообщества. В этом смысле *значения дискурса подобны айсбергам*, в которых с очевидностью выражаются только части смыслов, основная же масса общего знания

⁵ Подробнее о ментальных моделях см. [Johnson-Laird 1983].

имплицитно предполагается. В результате такого характера общего знания то или иное сообщество, как правило, представляет себя неидеологизированным, так как общее знание трактуется данным сообществом как истина, а не как тенденциозная идеология. Тенденциозность можно выявить только при комплексном анализе знания, однако само сообщество лишь имплицитно “имеет в виду”, что подводная часть айсберга существует, но не углубляется так сильно. Это имеет место даже в группах, которые можно охарактеризовать как идеологизированные. Общие знания, воспринимаемые как сами собой разумеющиеся, создают здесь общие дискурсы и коммуникации взаимопонимания, и идеологические границы выступают в качестве составных элементов общего знания. Иными словами, *общие убеждения (в том числе идеологические) предполагают наличие общего знания.*

То же самое можно сказать в отношении построения ментальных моделей и связанных с ними дискурсов: толкование смыслов есть процесс, в котором формируются и активизируются различные формы знаний. Со стороны эти общие знания могут интерпретироваться как вера или суеверие, а с политической точки зрения как идеологическая ангажированность или фанатизм (в зависимости от силы этих “суеверий”).

Так же, как в случае с собственно идеологиями, общее знание распространено среди членов сообщества по-разному (например, в силу разного образования). Общее знание может быть стратифицировано и дифференцировано в зависимости от степени владения им. Мы можем повсеместно встречать (и использовать) выражение “черная дыра”, но лишь незначительное меньшинство будет знать истинный смысл этого выражения и понимать, в чем состоит *действительная* символическая нагрузка данного словосочетания в повседневном дискурсе. Однако прочитав в газете или услышав по радио и телевидению метафору “черная дыра”, абсолютное большинство посчитает, что понимает, о чем идет речь. Иными словами, *понятие общего знания есть абстракция и идеализация*, которая (как и в случае “общего” языка) в реальности выделяет сообщество, которое пользуется этим общим знанием (и языком).

Тем не менее, общее знание существует, и проблема состоит в том, чтобы найти действительно общее основание этого знания, т.е. тот *минимум общего смысла*, который доступен пониманию всех членов сообщества. Это достаточно сложная социологическая и когнитивная задача. В рамках данной статьи условимся, что общее знание есть убеждения сообщества, выражаемые в публичных дискурсах, доступных обществу в целом, как это имеет место в большинстве дискурсов СМИ.

Помимо общего знания, понимаемого именно как знание (то, что сообщество знает или думает, что знает, т.е. то, что не требует принятия или отрицания), у различных групп могут существовать различные комплексы целей, задач и интересов, порождающие *совместные верования*, которые очень близки идеологиям как таковым, но могут трактоваться групповым сознанием как “объективное знание”. Расисты убеждены в превосходстве белой расы, русские националисты уверены в угрозе, исходящей от лиц “кавказской национальности”, т.е. и те, и другие подают свои убеждения (очень дискуссионные) как фактическое знание, отрицание которого — не иная точка зрения, а заблуждение и нежелание “видеть факты”. Подобные оценочные верования могут

иметь сложный комплексный характер, касаясь таких сложных вопросов, как иммиграция, проблема абортотв или эвтаназия⁶.

Групповые верования чаще всего бывают характерно идеологическими, так как обычно находятся под контролем какого-либо идеологического конструкта. Последний контролирует контекст и ситуативные модели дискурсивного взаимодействия членов той или иной идеологизированной группы, когда отдельные индивиды вступают в речевую коммуникацию *как* члены группы, воспроизводя тенденциозные дискурсивные модели как свои убеждения. В некоторых типах дискурсов общие верования могут оказывать прямое влияние, минуя конкретную ментальную модель. Так происходит в случае открытой политической пропаганды или проповеди, или других идеологических дискурсов, которые непосредственно характеризуют общие верования той или иной группы.

Идеологические групповые верования могут принимать разные формы в зависимости от выполняемых социальных функций. Некоторые верования могут выражаться (или исповедоваться) для оказания влияния на социальную политику, будучи социал-демократическими или консервативно-либертариистскими, другие концентрируют свое внимание на повседневной жизни и “профессиональной этике” корпоративных топ-менеджеров или членов профсоюза. Социальные функции данных верований могут быть разными, однако практические идеологические основания будут идентичны. Консерватор может быть убежден в естественности человеческого неравенства так же, как руководство корпорации воспринимать как должное экономическое невежество наемных рабочих, а социал-демократ может верить в социальную справедливость так же, как профсоюз противостоять “игре в наперстки” со стороны руководства корпорации. Иными словами, теория идеологии как абстракция способна охватить собой различные социальные группы и оперировать различными социальными функциями, находя в них качественное родство.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

На основе идеологически предвзятых моделей и общих социальных верований происходит стратегическое формирование идеологического дискурса. Именно этой стратегии подчинены бесконечные в своем многообразии языковые и смысловые приемы: интонация, местоимения, тематизация, усиление контекстуализации или наоборот — точности описания, риторические фразы, многозначительные и неопределенные намеки и т.д. Все это создает “оглавление” идеологии, которая подчеркивает “наши” положительные качества и “чужие” отрицательные, и наоборот.

Из краткого обзора социально-когнитивных процессов, лежащих в основе образования и осмысления идеологических дискурсов, можно увидеть, что связь между идеологиями и дискурсами является сложной и часто косвенной. Такой *дискурс* может зависеть от идеологически предвзятого *контекста*, от идеологического способа интерпретации событий как конструирования *ситуативных ментальных моделей*, или от непосредственных идеологически контролируемых *общих верований*.

⁶ О коллективных верованиях и предубеждениях см. [Dijk 1984, 1987, 1993].

Необходимо также допустить, что конкретные условия контекста могут скрывать идеологические взгляды их носителей. Консерваторы или феминистки не всегда показывают свои идеологические пристрастия даже там, где это уместно. То есть дискурс не всегда является четко идеологическим, и анализ дискурса не всегда может позволить сделать вывод о том, что в данном анализируемом случае имеет место проявление массовой идеологической установки. Каждый раз это будет зависеть от качества коммуникативной ситуации, т.е. от контекста. Иными словами, *дискурсивная концепция идеологии является недетерминистской*: участники не обязательно и не всегда выражают и принимают верования группы, с которой они себя идентифицируют. Таким образом, *идеологический дискурс всегда лично и контекстуально вариативен*.

Наиболее зримо это проявляется в международных отношениях, где затухание четких идеологических установок наиболее актуально. Это не значит, что в глобализирующемся мире идеологии утрачивают свое значение, просто они не проявляют себя открыто, позволяя найти более легкий выход из конфликтной ситуации.

Все это должно *убавить “позитивистского оптимизма” эмпирических методов изучения идеологий*. В идеологизированных группах соответствующие верования могут предполагаться, но не проговариваться, за рамками таких групп идеологические убеждения могут подвергаться словесной цензуре политической корректности. Это делает необходимым применение не прямых (косвенных) методов анализа.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА

Если идеологии обзаваются дискурсами и воспроизводятся последними, то очевидно необходимо наличие дискурсивной структуры и стратегии. Например, местоимение “МЫ” является одной из дискурсивных структур, используемых говорящими для прямой и экспрессивной ссылки на внутригрупповую солидарность. В зависимости от контекста любая изменчивая структура дискурса может быть идеологически “помечена”: специфическая интонация, смысловое ударение, сила экспрессии тех или иных слов и фраз могут быть истолкованы как сексистски, так и расистски. Предпочтение тех или иных тем для обсуждения может обозначить неолиберальную или социал-демократическую идеологическую тенденциозность.

Следует подчеркнуть, что идеологии могут только влиять на контекстуально изменчивые структуры дискурса. Очевидно, что *неизменные грамматические структуры не могут быть идеологически “помечены”*, поскольку они обязательны для всех носителей языка и в этом смысле идеологически нейтральны. Хотя и могут быть возражения по поводу того, насколько общие грамматические правила “идеологически невинны” по аналогии с тем, что половая принадлежность также долгое время считалась природной данностью, не имеющей идеологического измерения. Однако для нас сейчас важнее отметить, что *изменчивые структуры дискурса более “чувствительны” к идеологиям, нежели грамматические*. К примеру, смысловые значения более склонны к идеологической маркировке, чем синтаксические структуры языка и риторические приемы (метафоры, гиперболы и эвфемизмы). Данные приемы используются для подчеркивания идеологических *смыслов*, но как собственно приемы язы-

ка не имеют идеологического значения. Нет никаких консервативных или либеральных гипербол, местоимений или интонаций. Правда, можно выделить склонность различных идеологий к тем или иным метафорам (например, реформатор как “умелый садовник, срезающий засохшие ветки” в консерватизме), но только как “расцветивание” тех или иных идеологических смыслов.

Можно предположить, что идеологические дискурсивные структуры организуются под воздействием контекстуальных моделей. Однако данные структуры могут также выступать функцией структуры основных идеологий как таковых, а также социальных представлений. Таким образом, если идеологии поляризуются известным противостоянием “свои – чужие”, то мы можем ожидать, что данная поляризация будет “закодирована” в разговорах и текстах. Это может достигаться специфическим использованием личных местоимений “мы”, “они”, а также притяжательных местоимений в выражениях “наш народ”, “их представители” и т.д. Следовательно, можно исходить из предположения, что *идеологический дискурс, как правило, формируется на основе стратегии позитивной самопрезентации и негативной презентации “чужих”*. Эта стратегия работает на всех смысловых уровнях, подчеркивая “наши” положительные и “их” отрицательные качества, и напротив – смягчая “наши” недостатки и затушевывая “их” преимущества.

Этот общий принцип поляризации применительно к дискурсу влияет как на форму, так и на содержание. Можно усилить негативное впечатление от ограничения прав жителей Тибета, сопровождая фактическую канву событий большей длительностью их освещения, крупными планами сцен насилия при подавлении массовых выступлений, броскими заголовками передовиц, частым повторением негативных суждений. То же самое можно сделать с использованием синтаксических “деидеологизированных” средств, сообщая о происходящих событиях как о действиях, совершенных активными агентами (“войска разогнали”, “полиция арестовала”, “правительство отвергло обвинения” и т.д.), а не с использованием возвратных безличных форм (“произведены аресты”, “обвинения отвергнуты”, “выступления остановлены” и т.д.).

Иными словами, существует много дискурсивных способов, чтобы усилить/смягчить наши/их позитивные/негативные проявления и поступки, а значит идеологически пометить дискурс. В критическом дискурсивном анализе это достаточно устоявшееся теоретическое положение⁷. На основании этого можно попытаться *обобщить определенные способы дискурсивного кодирования идеологий*. При этом необходимо учитывать, что ни одна дискурсивная структура не может использоваться только как единственный способ осуществления коммуникативной функции, так как все эти структуры могут применяться по другим причинам и выполнять другие функции. Предложенная классификация уровней дискурса включает в себя глобальный и локальный смыслы, лексику, синтаксис, фонетические структуры, риторические приемы, т.е. речь пойдет о *Формах, Смыслах и Действиях*. На каждом из этих уровней можно обнаружить кодификацию предполагаемых идеологий, благодаря акцентуации или де-акцентуации того или иного смысла.

⁷ О критическом дискурсивном анализе см. напр. [Texts and Practices... 1996; Fairclough 1995; Fowler 1991; Kress, Hodge 1979; Dijk 1995: 243-289; Dijk 1998a, 1998b, 2001: 1-40, 2004: 5-38; Wodak 1989; Methods of Critical Discourse Analysis 2001].

ДИСКУРСИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЙ

Контекст

Говорящий выступает как член определенной социальной группы и/или адресат членов данной группы; идеологически предвзятые контекстуальные модели: представление акта коммуникации и его участников в качестве членов идеологизированных групп.

Текст, дискурс, диалог

Общая стратегия: НАШЕ положительное действие/презентация; ИХ отрицательное действие/презентация.

- Подчеркивание НАШИХ положительных качеств и ИХ отрицательных качеств;
- Затумашивание НАШИХ отрицательных качеств и ИХ положительных качеств.

Смыслы

Основные темы обсуждения (семантические макроструктуры):

- Выбор/изменение позитивной/негативной темы обсуждения о НАС/НИХ.
- *Вторичные смыслы и согласования:*
- Позитивный/негативный смысл для НАС/НИХ;
- Проявление смысла: явное против скрытого;
- Ясность смысла: ясный против туманного;
- Детализация смысла: подробный/изящно сформулированный против упрощенного/грубо сформулированного;
 - Уровень смысла: обобщенный против конкретного, излишне детализированного;
 - Модальность смысла: “МЫ должны” против “ОНИ обязаны”;
 - Очевидность смысла: “МЫ владеем истиной” против “ОНИ заблуждаются”;
 - Уход от ответственности (отказ от НАШИХ плохих качеств): “Мы не националисты, но...”;

Лексикон: выбор позитивных/негативных определений для НАС/НИХ (например, “борцы за свободу” против “террористов”).

Форма

Синтаксис: подчеркивание/затумашивание позитивных/негативных НАШИХ/ИХ действий;

- Активное наклонение против пассивного наклонения (“Бастующие водители парализовали работу общественного транспорта” против “Работа общественного транспорта была парализована”);
- Полные предложения против субстантивных (“Демонстрация рабочих, несогласных с...” против “Демонстрация несогласных”);

Способы произнесения: интонация, подчеркивание/затумашивание нашего/их добра/зла.

Формат: схемы, общие формы, заголовки.

Позитивное/негативное обозначение нас/их:

- Топики (заголовки, рубрики, резюме, выводы) против вторичных текстовых форм;

- Структура аргументации (стереотипные аргументы: “Для их же блага”). *Риторические конструкции*: подчеркивание/затушевывание нашего/их добра/зла через:

- Формы: повторы;
- Смыслы: сравнения, метафоры, метонимии (“не согласны с Путиным” вместо “не согласны с политикой Путина”), ирония, эвфемизмы, гиперболы, игра цифрами и т.д.

Действие

Речевые и коммуникативные действия и взаимодействия:

- Речевые действия, которые предполагают наше/их добро/зло: обещания, обвинения и т.д.;
- Стратегии взаимодействия, которые предполагают наше/их добро/зло: кооперация, соглашение.

ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЙ

Одной из основных проблем дискурсивного анализа является *преднамеренность*. Суть данной проблемы в том, что нам в ходе такого анализа сложно со стопроцентной уверенностью утверждать, что использование тех или иных речевых конструкций носило характер идеологической ангажированности, а не было автономным свойством литературного стиля, а значит не находилось под сознательным политическим контролем [Brand 1984]. Политическая некорректность в высказываниях может и не нести в себе несогласия с политически корректным высказыванием, так как может находиться вообще вне рамок политического дискурса: *озвучивание бытовой ксенофобии может не содержать в себе элементов националистического дискурса*, хотя формально может сильно на него походить.

Сложность для дискурсивного анализа идеологий состоит в том, что *мы не можем наблюдать намерения*, а значит никогда не сможем подтвердить исследование преднамеренного идеологического дискурса данными количественных социологических исследований.

Кроме того, дискурсивный анализ сосредотачивается на “говорящих”, однако есть еще и “слушающие”, которые воспринимают информацию зачастую не так, как хотят “говорящие”. При этом основное *значение восприятия состоит в ожидаемых социальных последствиях, а не в хороших или плохих намерениях*. Если идеологический дискурс “говорящих” столкнется с идеологически чуждыми “слушающими”, возникнет политический конфликт, несмотря на “добрые намерения” “говорящих”.

Идеологическая преднамеренность, дающая возможность для проведения корректного дискурсивного анализа, может быть определена только контекстуально: перед тем как начать анализ речевых ситуаций и конструкций, необходимо определить степень возможной идеологической преднамеренности данных ситуаций и конструкций. Например, очевидно, что предвыборные речи кандидата в президенты будут идеологически пристрастны со стопроцентной вероятностью, и весь инструментарий дискурсивного анализа здесь уместен.

Еще одной проблемой является собственно *идеологическое толкование*. Структуры дискурса имеют много когнитивных интерактивных и социаль-

ных функций, и ни одна из этих структур не является исключительно идеологической. Идеологическая функция может проявиться в том или ином дискурсе как в зависимости от предвзятости текста, так и в соответствии с предвзятым контекстом. Например, когда мы смягчаем описание нашей деятельности и ослабляем значение ответственности за негативные последствия наших действий, тем самым на конкретном примере мы стараемся реализовать стратегию идеологического дискурса, направленного на положительную внутригрупповую самопрезентацию.

Исходя из вышесказанного, нужно соблюдать определенную осторожность при интерпретации дискурсов. Пассивная форма глаголов или безличная форма предложений может использоваться не для целей идеологической предвзятости, а в ситуации, когда просто неизвестны субъекты действия или акцент делается не на активных участниках событий, а на тех, кого эти события затрагивают. Это лишний раз подчеркивает значение контекста, в котором формируется тот или иной дискурс.

Помимо вышеизложенного, не нужно забывать, что теория идеологического дискурса в качестве отдельного компонента обязательно включает *контекстуализацию*, формируемую в терминах субъективных контекстуальных моделей участников дискурса. Эти модели с неизбежностью являются динамическими и обозначают постоянно обновляемую коммуникативную ситуацию, в которой находятся участники речевой ситуации или читаемый текст в тот или иной момент времени. Контекстуальная модель обладает очевидной способностью к конкретному пониманию дискурса и к самому созданию последнего. При этом данные контекстуальные модели могут быть идеологически предвзятыми (например, когда говорящие оценивают своих собеседников в терминах либерализма, консерватизма, социализма и т.д., хотя разговор может и не касаться идеологических вопросов непосредственно). То есть идеологизированный контекст либо порождает идеологический дискурс, либо ведет к его идеологизации (изначально нейтральный дискурс подвергается идеологической интерпретации). С одной стороны, это может вести к своеобразному идеологическому “кодированию” дискурса, когда “посвященные” посылают и улавливают идеологические сигналы там, где остальные не замечают их. С другой стороны, может иметь место “приписывание” дискурсу идеологических признаков в ситуации, когда слушающие знают об идеологической ангажированности говорящего и потому воспринимают его слова как идеологическое послание.

Отдельную проблему представляют *допущения, на которых основано отношение знания и идеологии*. Самое устойчивое понимание идеологии противопоставляет ее “истинному” знанию. Однако если посмотреть на понимание знания *не семантически, а прагматически*, то выяснится, что *знание — это во многом консенсус между теорией познания и конкретным набором информации*, которой владеет то или иное общество. Это превращает истинное знание в относительное и intersубъективное (если смотреть на него со стороны) и в то же время делает его “объективным” в масштабах социальных и культурных установок данного общества.

При этом нужно отметить, что хотя “истинное” знание является относительным, оно не перестает быть общим для данного сообщества, а значит, не является идеологическим. Хотя бы потому, что самим идеологиям нужен этот

общий для них всех фундамент, чтобы вступать в конфликтное взаимодействие. Например, *чтобы иметь разные идеологические пристрастия по поводу социальной политики, нужно как минимум знать, что такое социальная политика.*

Такое *относительное общее знание необходимо отличать от идеологизированной интерпретации знания.* Когда делается утверждение о том, что “мы все знаем, что коммунизм невозможен”, то происходит подмена знания о том, что коммунизм до сих пор не удалось построить, идеологическим убеждением, что коммунизма не может быть. Более того, антимарксистски ориентированные убеждения будут порождать “истинные” суждения, объявляющие учение Маркса утопией, хотя многие из его взглядов стали неотъемлемой частью научного экономического знания.

Собственно дискурсивный анализ может констатировать, что какие-то тексты имеют характер общих рассуждений или само собой разумеющихся утверждений. Тем не менее, контекстуальный анализ может обнаружить, что говорящие или пишущие предполагают наличие общего знания у определенной адресной группы, и в этом случае данные знания могут быть расценены как идеологические, т.е. основанные на верованиях или противопоставлении знаниям другой группы. Необходимо отметить, что в ходе межгруппового общения члены той или иной группы знают, что их убеждения не разделяются представителями других групп, поэтому часто такие убеждения представляются их сторонниками как истинное знание. Достаточно вспомнить критику “исламской демократии” со стороны сторонников либеральной демократии, которые считают последнюю демократией как таковой.

Таким образом, любой текст или речевая ситуация должны тестироваться сквозь призму, отличающую общекультурные знания от групповой идеологии. При этом данная проверка корректна только в данный момент и для данной ситуации, так как в другое время и в другом месте такое общее знание может предстать идеологизированной позицией.

Из вышеизложенного следует, что не всякое знание подлежит идеологизации. При этом идеологические верования той или иной группы мыслятся как таковые только с внешних эпистемологических позиций, а самими членами группы воспринимаются как общее знание.

Не следует полагать, что дискурсивный анализ идеологии, отказывающийся анализировать последнюю в “классических” терминах легитимации господства, теряет свою критическую направленность. Наоборот, сам характер дискурсивного анализа задает достаточно четкие рамки для обозначения идеологий как дискурсов и социальных практик господствующих и подчиненных, обозначающих свои притязания на доминирование и сопротивление, соответственно. Дискурсивный анализ может обнаружить либертарианский или социалистический характер идеологии, ее феминистскую или сексистскую направленность. Хотя следует оговориться, что *манхеймовская логика разделения идеологий и утопий в дискурсивном анализе идеологий не работает*⁸. Идеологические дискурсы ориентированы на групповое самосознание и интерактивное взаимодействие с другими группами; ориентация на переустройство мира или охранение последнего носят здесь частный характер.

⁸ О разделении идеологий и утопий см. [Манхейм 1994: 7-260].

Анализ идеологии в терминах доминирования изначально может поставить исследователя в идеологическую позицию, так как он при этом будет исходить из того, что его точка зрения есть истина, а точка зрения доминирующей идеологии — “ложное сознание”. Хотя попытка дезавуировать доминирующую идеологию как “видимость” на поверку оказывается “контр-видимостью”, а не поиском истины.

Для научного анализа необходимы интегральные понятия, которые бы предполагали наличие в социально-политических практиках как прямой, так и обратной интерпретации данных понятий. Например, понятие власти, чтобы быть аналитически продуктивным, должно включать в себя момент сопротивления или контр-власти [см. Луман 2001]. Также и понятие идеологии с необходимостью должно охватывать *как тенденции доминирования, так и сопротивления, но не как противостояния “видимости” и “истины”, а как столкновения различных коллективных дискурсов.*

И наконец, необходимо отметить, что несмотря на важность дискурсивных практик для идеологии, *необходимо избегать искушения отождествлять идеологии и дискурсы.* Хотя исследования, находящиеся в рамках дискурсивной психологии, такому искушению поддаются: осуществляется редукция ментальных структур к структурам дискурсивным, при этом утверждается, что дискурсы поддаются наблюдению в общественном контексте, а собственно умственные способности нет [подробнее см. Edwards, Potter 1992]. Получается, что идеология не может быть зафиксирована как общественно значимая форма мысли, но только как структура дискурса.

Не следует забывать, что такие понятия, как знание, мнение, нормы и ценности являются не дискурсивными, а когнитивными и относятся к теории познания, а не к теории социального взаимодействия, к которой принадлежит дискурсивный анализ. Идеологии, будучи убеждениями, не могут отождествляться с чистыми дискурсивными структурами на том основании, что последние фиксируются, а убеждения как таковые — нет. Мы объявляем какие-то дискурсы идеологическими не на основании одного фонетического или грамматического анализа, мы обязательно *соотносим данные дискурсивного анализа с “неуловимыми” идейными конструкциями, лишая дискурсы “языковой невинности”.*

Идеологии производят не только дискурсы, но и дискриминацию, сопротивление, инакомыслие, расширение прав и т.д. Кроме того, люди могут совершать идеологические поступки, не выражая их словесно (самый очевидный пример — бойкот или забастовка). Естественно, идеологические поступки чаще всего словесно мотивированы, но не всегда, а значит, отождествление идеологии с дискурсом есть неприемлемое допущение.

Таким образом, отказ от таких когнитивных понятий, как верования, взгляды, нормы и убеждения по признаку “ненаблюдаемости” является *изощренной формой “бихевиористского софизма”*, состоящего в подмене “чистой” дискурсивной идеологической интеракции комплексным теоретико-дискурсивным анализом.

СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Хотя любая практика социализации чревата усвоением идеологических элементов (семья, школа, работа, досуг), все же ключевыми источниками идео-

логического воздействия являются беседа и текст. То есть идеологии усваиваются не только подражанием другим членам сообщества. Это происходит через процессы наблюдения и участия, как правило сопровождающиеся объяснением причин (например, мы не признаем либерализм, так как люди, такие же как мы, не общаются с либералами), а это в свою очередь в скрытом или явном виде подчеркивает самоопределение как превосходство и определение “других” как неполноценность.

Уже в детстве люди постепенно осознают некоторые элементы идеологии, имеющие национальную, классовую, религиозную или политическую окраску. Каждая из социальных групп, участвующих в социализации, имеет свои более или менее явные и формализованные методы насаждения идеологии: собрания, групповое обучение, учебники, катехизисы, проповеди и так далее. То есть все это является различными видами идеологического дискурса.

Хотя некоторые виды идеологических дискурсов могут носить неявный и даже скрытый характер, чаще всего дидактический посыл идеологического дискурса является очевидным, задавая схематизацию групповой идентичности: кто мы, что мы делаем, в чем наши ценности, кто наши друзья и враги, в чем наша сила (власть)⁹. Поэтому принципиально важным является *как прямой процесс формирования дискурсов*: через воспитание, социализацию, выработку общих представлений и норм, *так и обратный процесс*, в ходе которого идеологические дискурсы выступают в роли готовых ментальных моделей, т.е. в роли контекста (а не текста).

Таким образом, идеологии могут рассматриваться как развивающиеся снизу вверх обобщенные ментальные модели или как воздействующие сверху вниз идеологические “инструкции”. Оба эти процесса характерны для всех идеологий, хотя можно предположить, что в разных идеологиях по-разному расставляются акценты. Так, национализм как идеология чаще всего развивается снизу вверх, но в период кризисов может наблюдаться обратное движение. С другой стороны, социализм как одна из тотальных (в терминологии Манхейма) идеологий на рубеже тысячелетий все более приобретал доктринерский вид “третьего пути”, родившегося в среде интеллектуалов, которые пытались найти новое обоснование социальной справедливости без широкого перераспределения (справедливости ради отметим, что успехом эти попытки не увенчались).

Луман Н. 2001. *Власть*. М.: Праксис.

Манхейм К. 1994. Идеология и утопия. — *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист.

Мусихин Г.И. 2010 Идеология и власть. — *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, № 3-4.

Billig M. 1982. *Ideology and Social Psychology: Extremism, Moderation, and Contradiction*. N.Y.: St. Martin's Press.

Brand M. 1984. *Intending and Acting. Toward a Naturalized Action Theory*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Converse P.E. 1964. The Nature of Belief Systems in Mass Publics. — Apter D.E. (ed.). *Ideology and Discontent*. N.Y.: Free Press.

Dijk T.van, Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. N.Y.: Academic Press, 1983.

Dijk T.van. 1984. *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins Co.

⁹ О неоднозначности соотношения идеологии и власти см. [Мусихин 2010].

- Dijk T.van. 1987. *Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk*. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc.
- Dijk T.van. 1993. *Elite Discourse and Racism*. Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Dijk T.van. 1995. Discourse semantics and ideology. — *Discourse & Society*, № 6.
- Dijk T.van. 1998a. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. L.: Sage.
- Dijk T.van. 1998b. Opinions and Ideologies in the Press. — Bell A., Garrett P. (eds.). *Approaches to Media Discourse*. Oxford: Blackwell.
- Dijk T.van. 1999. Context Models in Discourse Processing. — *The Construction of Mental Representations During Reading*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Dijk T.van. 2001. Discourse, ideology and context. — *Folia Linguistica*, № 1-2.
- Dijk T.van. 2004. Discourse, Knowledge and Ideology. — *Communicating Ideologies. Multidisciplinary Perspectives on Language, Discourse and Social Practice*. Frankfurt a. M.: Peter Lang.
- Eagleton T. 1991. *Ideology. An Introduction*. L.: Verso.
- Edwards D., Potter J. 1992. *Discursive Psychology*. L.: Sage Publications.
- Fairclough N.L. 1995. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Harlow: Longman.
- Feldman S. 1988. Structure and consistency in public opinion: The role of core beliefs and values. — *American Journal of Political Science*, № 32.
- Fiske T.S., Kinder D.R. 1981. Involvement, Expertise, and Schema Use: Evidence from Political Cognition. — Cantor N., Kihlstrom J.F. (eds.). *Personality, Cognition and Social Interaction*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Fowler R. 1991. *Language in the News: Discourse and Ideology in the British Press*. L., N.Y.: Routledge.
- Freeden M. 1996. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press.
- Johnson-Laird P.N. 1983. *Mental Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kress G., Hodge B. 1979. *Language and Ideology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Larrain J. 1979. *The Concept of Ideology*. Athens, GA: University of Georgia Press.
- Methods of Critical Discourse Analysis*. 2001. Wodak R., Meyer M. (eds.). L.: Sage.
- Political Cognition*. 1986. Lau R.R., Sears D.O. (eds.). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. 1996. Caldas-Coulthard C.R., Coulthard M. L.: Routledge.
- The Construction of Mental Representations During Reading*. 1999. Oostendorp H.Van, Goldman S.R. (eds.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Thompson J.B. 1984. *Studies in the Theory of Ideology*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Vallacher R.R., Wegner D.M. 1989. Levels of personal agency: Individual variation in action identification. — *Journal of Personality and Social Psychology*, № 57.
- Wodak R. 1989. *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. Amsterdam: Walter Benjamins.